

КАЛІОСТРО,

его живнѣ и пребываніе въ Россіи.

Исторія предразсудковъ и заблужденій человѣка любопытна не менѣе исторіи развитія его ума, какъ съ теоретической стороны — въ различныхъ философскихъ системахъ, такъ и съ практической — въ примѣненіи научныхъ открытій и изобрѣтеній къ частному и общественному быту. Но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ играть первенствующую роль на планетѣ, видѣвшей его въ первобытныхъ времена далеко не такимъ развитымъ существомъ, какимъ онъ явился въ послѣдующіе геологическіе періоды, послѣ продолжительной борьбы съ природою и тяжелыми условіями его существованія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вполнѣ созналъ себя, свои силы, значеніе своего ума, сдѣлался дѣйствительнымъ вѣнцомъ созданія, властелиномъ всѣхъ другихъ существъ, настоящимъ царемъ этого міра, который онъ узналъ и изучилъ, покоривъ себѣ его враждебныя, стихійныя силы, отыскавъ средства защищаться отъ нихъ, — міръ этотъ сдѣлался тѣснѣе для человѣка; силы природы, творящей въ опредѣленныхъ границахъ, казались ему недостаточными и онъ придумалъ себѣ другой, фантастическій міръ, населивъ его созданіями своего воображенія, сталъ отыскивать въ природѣ такія силы, какими она не обладала. Это недовольство настоящимъ, стремленіе расширить область знанія, желаніе измѣнить свойства своей собственной человѣческой натуры и было причиною появленія на ряду съ точными науками, какъ химія, астрономія, философія, такихъ ложныхъ наукъ, какъ алхимія, астрологія, магія. И чѣмъ дальше шелъ пытливый умъ человѣка въ изученіи тайнъ природы и естества, тѣмъ многочисленнѣе, страннѣе проявлялись заблужденія этого ума, тѣмъ упорнѣе держались они и приобрѣтали себѣ больше adeptовъ и фанатическихъ при-

верженцевъ. Казалось одинъ и тотъ-же законъ господствовалъ и въ сферѣ мышленія, какъ въ физической природѣ: сильное дѣйствіе въ одну сторону пробуждало реакцію, противодѣйствіе, умъ граничилъ съ безуміемъ, крайнее безвѣріе возбуждало нелѣпное суевѣріе. Этимъ свойствомъ чловѣка — бросаться въ крайности, увлекаться самыми рѣзкими контрастами, ученіями діаметрально противоположными одно другому. — объясняется появленіе въ нашъ положительный практический вѣкъ такихъ нелѣпостей, какъ спиритизмъ, а въ концѣ XVIII столѣтія, въ эпоху Вольтера, Дидеро, энциклопедіи — появленіе Каліостро, Сен-Жермена, месмеризма.

Мы назвали этого шарлатана и авантюриста, пользовавшагося въ свое время такою громкою извѣстностью, какою не достигали и знаменитые ученые. Каліостро, въ продолженіи чуть не двадцати лѣтъ, надувалъ умныхъ и даровитыхъ людей, являлся почти во всѣхъ странахъ Европы и вездѣ находилъ многочисленныхъ почитателей и приверженцевъ. Въ защиту и похвалу его написано много сочиненій; самъ онъ, хотя не умѣлъ написать правильно десяти словъ по французски, издалъ на этомъ языкѣ „Записки“, наполненныя самымъ невѣроятнымъ хвастовствомъ; объ немъ ходило столько преувеличенныхъ толковъ; романисты, какъ Дюма, сдѣлали изъ него идеальнаго героя одареннаго всѣми совершенствами; все это заставляетъ обратить на него вниманіе тѣмъ болѣе, что послѣдовавшія за его смертью политическія событія, измѣнившія положеніе всей Европы, отодвинули его на послѣдній планъ, принудили позабыть объ немъ — и такимъ образомъ значеніе его для многихъ осталось невыясненнымъ. А между тѣмъ ближайшее знакомство съ Каліостро любопытно для изученія эпохи, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Для насъ, русскихъ, онъ имѣетъ значеніе потому, что, подобно многимъ авантюристамъ, Каліостро думалъ эксплуатировать Россію, гдѣ провелъ почти полгода и сначала пользовался большимъ успѣхомъ (въ Митавѣ). Поэтому мы сочли не лишнимъ рассказать жизнь Каліостро, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній объ немъ, отбросивъ изъ многочисленныхъ, относящихся къ нему, сочиненій всѣ преувеличенія, провѣривъ, по запискамъ современниковъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, факты его жизни, во многомъ, впрочемъ, оставшіеся темными, по неизмѣннѣю положительнымъ даннымъ. Думаемъ, что по возможности вѣрный очеркъ жизни и дѣятельности Каліостро будетъ прочтенъ не безъ интереса. Не приводя всѣхъ сочиненій, относящихся къ нашему предмету, мы упомянемъ, при ходѣ разсказа, тѣ изъ нихъ, на основаніи которыхъ изложимъ жизнь нашего героя, не дѣлая примѣчаній и ссылокъ на источники, изъ которыхъ

почерпнуты нами подробности его жизни. Можем только увѣрить читателей, что всѣ факты нашей статьи проверены критически и основаны по возможности на достовѣрныхъ данныхъ.

I.

О дѣтствѣ и молодости Каліостро мы имѣемъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній, но онѣ существуютъ и хранятся въ архивахъ Ватикана, и это подаетъ надежду, что онѣ когда-нибудь будутъ обнародованы. Въ 1790 году, когда начался процессъ авантюриста, схваченнаго въ Римѣ, іезуиты употребили все свое вліяніе, что-бы дѣлаться правды въ его показаніяхъ и собрать неопровержимые факты о его происхожденіи, поступкахъ и пребываніи въ разныхъ странахъ. Что они достигли своей цѣли, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы вспомнимъ, какими могущественными средствами обладалъ этотъ орденъ, какихъ преданныхъ слугъ имѣлъ онъ во всѣхъ государствахъ, во всѣхъ слояхъ общества. Но всѣ подробности этого процесса, протоколы допросовъ, свидѣтельскія показанія — все это осталось тайною. Отцы іезуиты никогда не любили свѣта, а тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ были замѣшаны многіе изъ ихъ собратій, если не прямо помогавшіе обманщику, то нерѣдко извлекавшіе для себя пользу изъ его продѣлокъ. Самъ онъ, для своего оправданія, не въ этомъ процессѣ, а по дѣлу объ ожерельи королевы, о которомъ мы еще будемъ говорить, издалъ, въ 1786 году, въ Парижѣ, брошюру, подъ заглавіемъ: „Mémoire pour le comte de Cagliostro, accusé, contre M. le Procureur-Général accusateur“. Въ этомъ сочиненіи онъ рассказываетъ такіа невѣроятныя исторіи о своей молодости и своихъ похожденияхъ, что имъ съ трудомъ вѣрили даже самыя ревностныя изъ его приверженцевъ. Такъ онъ рассказывалъ, что дѣтство свое провелъ въ Медивѣ, у Муфти Салагаима, хотя былъ христіанскаго вѣроисповѣданія; что учителемъ его былъ мудрецъ Альতোащъ, возившій его потомъ въ Мекку, Египеть, на островъ Мальту, гдѣ этотъ турецкій мудрецъ превратился вдругъ въ мальтійскаго рыцаря и проч. Гораздо болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ авантюристѣ мы находимъ не въ этомъ сборникѣ сказокъ, а въ брошюрѣ, появившейся въ Римѣ въ 1791 году, во время процесса Каліостро и написанной іезуитомъ Марчеллемъ, подъ названіемъ: „Compendio della vita e degli gesti di Guiseppe Balsamo, il dinominate conte Cagliostro“. Брошюра эта была переведена на всѣ европейскіе языки, несмотря на то, что

приверженцы авантюриста старались опровергнуть ее, о чем особенно заботился одинъ вѣнскій священникъ Каспаръ Чинкъ. Но факты, собранные Марчеллемъ, были такого рода, что ихъ нельзя было опровергнуть. Онъ доказалъ, что настоящее имя Калостро было — Бальзамо, хотя онъ прежде называлъ себя и другими именами: Тискио, Мелина, Бельмонте, Пеллегрини, Фениксъ, Анна, Гарать. Родился онъ въ Палермо, 8-го іюня 1743 года, отъ бѣдныхъ родителей: Пьетро Бальзамо и Феличин Бравоньери. Отецъ его былъ мелкій купецъ, по смерти котораго дядя мальчика съ матерней стороны далъ ему воспитаніе въ семинаріи св. Роха, въ Палермо. Молодой Джузеппе Бальзамо убѣгалъ не разъ изъ этого училища. Тринадцати лѣтъ онъ былъ порученъ генералу ордена Милосердныхъ братьевъ, который опредѣлилъ его послушникомъ въ монастырь Картаджироне. Тамъ онъ поступилъ помощникомъ къ аптекарю, у котораго научился первымъ основаціямъ химіи и медицины. Но въ то же время онъ велъ такую жизнь, что монахи часто были принуждены наказывать его. Тогда онъ бѣжалъ изъ монастыря въ Палермо, гдѣ, одно время, занялся рисованьемъ, что не мѣшало ему вести разгульную жизнь и участвовать во всѣхъ уличныхъ дракахъ и стечкахъ съ полиціей. Онъ поддѣлывалъ также театральные билеты и, живя у своего дяди, обокралъ его на довольно значительную сумму. Въ двоюродную сестру его влюбился одинъ синьоръ, и Джузеппе, передавая ей письма возлюбленнаго, убѣждалъ его, что она нуждается то въ деньгахъ, то въ часахъ и другихъ вещахъ, получалъ ихъ для нея и присваивалъ себѣ. Занимаясь у одного нотаріуса, онъ поддѣлалъ завѣщаніе маркиза Мауриджи, лишивъ этимъ одно богоугодное заведеніе значительной суммы. Всѣ эти поддѣлки доказаны официальными протоколами.

Нѣсколько разъ молодой Бальзамо судился, сидѣлъ въ тюрьмѣ, но былъ выпускаемъ, то по недостатку уликъ, то по ходатайству родныхъ. Наконецъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своего родного города за слишкомъ дерзкую поддѣлку съ однимъ ювелиромъ, котораго онъ обокралъ, убѣдивъ его, что близъ городскихъ воротъ зарытъ кладъ. Бальзамо и другіе его товарищи одѣлись чертами, избили и обобрали довѣрчиваго простака. Слѣдствіемъ этой первой попытки—употребить въ дѣло таинственныя силы и колдовство—было, какъ мы уже сказали, бѣгство Бальзамо изъ Палермо.

Съ тѣхъ поръ началась странническая, полная приключеній, жизнь Калостро. Разыгрывая роли предсказателя, открывателя кладовъ, колдуна, вызывателя духовъ, онъ является въ Мессинѣ, Александріи, на островахъ Родосѣ, Сардиніи, Мальтѣ, въ Генуѣ, Неаполѣ, Римѣ. Въ этомъ городѣ онъ продавалъ прекрасные рисунки перомъ и красками

и здѣсь женился на молодой, хорошенькой служанкѣ Лоренцѣ Феличчани, помогавшей ему добывать средства къ существованію темными путями. Искусство рисованія служило ему для поддѣлокъ подъ разные почерки и составленія фальшивыхъ документовъ. Въ то время сошелся онъ близко съ двумя мошенниками, изъ которыхъ одинъ выдавалъ себя за прусскаго полковника, и пожаловалъ своему пріятелю патентъ на офицерскій чинъ, съ подписью Фридриха II, мастерски поддѣланнаго самимъ Калиостро. Но полковникъ и офицеръ вскорѣ поссорились и, боясь судебного преслѣдованія, Бальзамо бѣжалъ съ женою и товарищемъ въ Венецію, гдѣ занялся поддѣлкою государственныхъ бумагъ, векселей и рекомендательныхъ писемъ отъ именитыхъ лицъ: послѣднія служили средствомъ втираться въ богатія семейства и производить тамъ алхимическія и магическія комедіи.

Авантюристъ не засиживался на одномъ мѣстѣ, что совершенно понятно. Чуть начинали распространяться объ немъ невыгодные слухи, а плутни—обнаруживаться, онъ быстро переносилъ въ другой городъ свои подвиги. Такъ онъ покинулъ Италію и отправился съ женою въ Испанію, въ одеждѣ пилигримовъ, продавая по дорогѣ священныя амулеты, жизненные элексиры, симпатическія лекарства, бальзамы и тинктуры, возвращающіе молодость и красоту, философскій камень, превращающій въ золото неблагородные металлы. Бальзамо продавалъ все, не исключая своей жены. Послѣдняя торговля приносила ему болѣе значительный доходъ. Это происходило въ 1770 и 1771 году. Авантюристу было тогда 28 лѣтъ; но онъ недолго пробылъ въ Испаніи и, 3-го августа 1771 года, пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ провель больше года подъ своимъ настоящимъ именемъ, Джузеппе Бальзамо, въ большой нуждѣ и борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами. Онъ привезъ изъ Испаніи нѣсколько драгоценныхъ камней: топазовъ и другихъ, и поручилъ продажу ихъ своему пріятелю, сицилианцу Вивона, а тотъ укралъ вырученныя за камни деньги и бѣжалъ съ ними. Какія средства употреблялъ Калиостро для добыванія денегъ, видно изъ того, что онъ заманилъ къ себѣ одного квакера и, сведя его со своею женою, грозилъ обвинить его въ прелюбодѣйствѣ, если тотъ не заплатитъ сорока гиней. Квакеръ заплатилъ деньги, что-бы избѣжать скандала. Калиостро рисовалъ также картинки легкаго содержанія, которыя жена его носила продавать по тавернамъ, но все это приносило ему такъ мало, что его посадили въ тюрьму за неплатежъ хозяину ввартиры и выпустили только, когда одинъ великодушный англичанинъ уплатилъ за него долгъ. Познакомившись съ его женою въ церкви и узнавъ о его печальномъ положеніи, англичанинъ принялъ его въ свой домъ, поручилъ ему разри-

совать комнаты стѣнною живописью и не претендовать, когда тотъ не сумѣлъ этого сдѣлать. Бальзамо отплатилъ по-своему за благодѣяніе, соблазнивъ одну изъ родственницъ благодѣтеля. Выгнанный со стыдомъ, онъ рѣшился отправиться въ Парижъ. Всѣ эти лондонскія продѣлки описаны въ любопытной брошюрѣ: „Ma correspondance avec le comte de Cagliostro“, изданной 1786 года въ Гамбургѣ; она служитъ отвѣтомъ на сочиненіе самого Бальзамо: „Lettre du comte de Cagliostro au peuple anglais. Pour servir de suite à ses mémoires (1787 г., безъ означенія мѣста печатанія), въ которомъ авантюристъ смѣло увѣряетъ, что онъ первый разъ былъ въ Лондонѣ въ 1786-мъ году.

Заплативъ за проѣздъ черезъ Ламаншъ, Бальзамо нуждался на пакетботѣ въ самомъ необходимомъ. Но тамъ же случай свелъ его съ французомъ Дюплезиръ, управляющимъ имѣніями одного маркиза. Плененный любовью „маленькой графини“, Дюплезиръ помогать въ дорогѣ авантюристу и, по прибытіи въ Кале, предложилъ отвезти супруговъ въ Парижъ, въ своей каретѣ. Но такъ какъ въ ней было всего два мѣста, то супругъ долженъ былъ помѣститься на козлахъ и такимъ образомъ въѣхалъ въ Парижъ, гдѣ гостеприимный французъ предложилъ супругамъ квартиру и столъ въ своемъ домѣ. Бальзамо не пришлось однако долго пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ. Какой-то танцмейстеръ давалъ балъ и пригласилъ къ себѣ авантюриста, разыгрывавшаго роль графа и важной особы. Графъ благосклонно принялъ предложеніе, хотя къ осуществленію его встрѣтилось маленькое препятствіе: у его сіятельства не было порядочнаго платья, что-бы явиться на балъ. Такое обстоятельство не могло остановить находчиваго Бальзамо. Онъ послалъ за торговцемъ готовымъ платьемъ, взялъ у него напрокатъ три лучшія пары, условился заплатить назначенную сумму за то платье, которое онъ надѣнетъ, былъ на балу, а на другое утро послалъ за торговцемъ и, возвративъ ему всѣ пары платья, объявилъ, что не беретъ ни одного, такъ какъ они не довольно свѣжи и роскошны. Но торговецъ узналъ, что одно изъ платьевъ было надѣто и требовалъ уплаты. Графъ прогналъ его, но тотъ подвѣлъ шумъ на улицѣ и скандалъ произошелъ такой, что, Дюплезиръ, давно уже тяготившійся поступками авантюриста, попросилъ его совсѣмъ очистить квартиру во избѣжаніе скандаловъ. Бальзамо долженъ былъ исполнить это требованіе, но при этомъ случилось еще обстоятельство, усложнившее и безъ того непріятныя сцены: когда жилецъ Дюплезира вздумалъ избираться на другую квартиру — со своею супругой — супруга его исчезла, неизвѣстно куда. Озадаченный супругъ отправился заявить объ этомъ въ полицію и объявилъ, что подозреваетъ въ похищеніи жены — своего домохозяина, Дюплезира.

Ясно, что онъ давно былъ убѣжденъ въ ихъ связи, но считалъ не нужнымъ открывать глаза до тѣхъ поръ, пока ему было это выгодно. При заявленіи въ полицію Бальзамо такъ плохо объяснился по-французски, что комисаръ долженъ былъ потребовать переводчика.

Прошло однако болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ полиція отыскала бѣгланку, въ уединенномъ домикѣ, живущую у одной прачки, гдѣ ее содержалъ Дюплезиръ. Мстительный итальянецъ настоялъ что-бы его жену заперли въ тюрьму Сент-Пелажи, гдѣ она пробыла три мѣсяца въ строгомъ заключеніи. Любопытно, что послѣ этого эпизода супруги опять соединились и стали жить по прежнему, повидимому, въ совершенномъ согласіи. Надумалась-ли на-досугъ графиня, что ей все-таки выгоднѣе держаться своего мужа, хотя и дурно съ нею обращавшагося, но смотрѣвшаго снисходительно на ея грѣшки, убѣдился-ли самъ Каліостро, что безъ помощи хорошенькой и ловкой женщины онъ не можетъ такъ удачно обманывать довѣрчивую публику,—какъ бы то ни было, но между ними снова водворилась полная гармонія. Бальзамо долженъ былъ, впрочемъ, вскорѣ же оставить Парижъ по требованію полиціи, которой принесъ жалобу одинъ банкиръ, обманутый авантюристомъ, продавшимъ ему за 500 лундировъ напитокъ, возвращающій молодость и едва не отравившій покупателя.

Три года затѣмъ Бальзамо странствовалъ по южной Франціи, Испаніи, Итали и Мальтѣ, занимаясь преимущественно приготовленіемъ жизненнаго элексира и добываніемъ золота посредствомъ философскаго камня. Въ 1776 году онъ явился опять въ Лондонъ и началъ свои подвиги съ того, что распустилъ слухъ, будто онъ владѣетъ тайною, посредствомъ нѣкоторыхъ кабалистическихъ операцій, угадывать нумера, выходящіе въ лото и лотерею. Нашлись весьма образованные люди, повѣрившіе этому; въ числѣ ихъ были мистеръ Скоттъ и миссъ Фрей. Сношенія между ними кончились однако процесомъ. Они обвинили Бальзамо въ томъ, что онъ похитилъ у нихъ драгоценный браслетъ съ брилліантами, подъ предлогомъ, что возьметъ у нихъ этотъ браслетъ для того, что-бы посредствомъ таинственныхъ химическихъ манипуляцій увеличить вдвое вдѣланные въ него брилліанты. Бальзамо былъ арестованъ, браслетъ у него найденъ, но онъ увѣрялъ, что получилъ драгоценность въ подарокъ за то, что сообщилъ миссъ Фрей цифры нумеровъ, выигравшихъ ей въ лотерею значительныя суммы. Та, въ свою очередь, представила свидѣтелей, подтверждавшихъ ея показаніе, и Бальзамо, выпущенный между тѣмъ на свободу со вносомъ залога, видя, что дѣло его принимаетъ дурной оборотъ, бѣжалъ въ Брюссель. Въ своихъ

запискахъ, онъ, конечно, оправдываетъ себя въ этомъ процесѣ и обвиняетъ не только противниковъ, но свидѣтелей и судей.

Это вторичное пребываніе авантюриста въ Лондонѣ, во время котораго онъ принялъ окончательно имя графа Калиостро, принадлежавшее его теткѣ и крестной матери, Винченче Калиостро, было для него очень важно, потому что здѣсь онъ вступилъ въ масонскую ложу и познакомился со всѣми таинствами масонства. Очень многія ложи этого ордена занимались въ то время мистическими фокусами, посредствомъ которыхъ рассчитывали войти въ сношенія съ міромъ духовъ.

По этой теозофской системѣ, развившейся изъ ученія гностиковъ, міръ находился подъ властью духовъ высшей или нижней организаціи, имѣющихъ свою іерархію. Кромѣ этого полчища небесныхъ силъ, существуютъ другія, служащія злему началу и находящіяся въ вѣчной борьбѣ съ ангелами изъ-за душъ человѣческихъ. Посредствомъ извѣстныхъ кабалистическихъ и алхимическихъ операций, формулъ и манипуляцій съ крестомъ, трехугольникомъ и кругомъ, нѣкоторые добродѣтельные, избранные провидѣніемъ люди получили власть надъ этими духами, высшихъ или низшихъ ступеней, и могли, съ ихъ помощію, вызывать умершихъ, получали даръ ясновидѣнія и могли готовить первоначальное вещество, *materia prima*, изъ котораго произошли всѣ предметы на землѣ, — послѣднее давалось, впрочемъ, въ удѣлъ только лицамъ, достигшимъ высшей степени духовнаго совершенства. Они одни только могли превращать ртуть въ твердое вещество, изъ котораго получалось сначала серебро, потомъ золото. Въ него превращались и всѣ прочіе благородные металлы, съ помощію *materia prima*.

Къ такимъ людямъ причислялъ себя Калиостро и такое ученіе, смѣсь средневѣковой магіи и современнаго піетизма, проповѣдывалъ онъ людямъ, жадно стремившимся ко всему чудесному, сверхъестественному. Онъ назвалъ его „древнимъ египетскимъ масонствомъ“, основаннымъ Енохомъ и Изіею и назвалъ себя „великимъ Кофтою“. Послѣдователямъ своимъ обѣщалъ онъ достиженіе физическаго и моральнаго совершенства; но достигнуть его мужчина могъ только послѣ 50-ти лѣтъ, женщина — послѣ 36-ти. Готовиться къ возрожденію надо было сорокадневнымъ постомъ въ уединеніи, начиная съ майскаго полнолунія и принимая травы и капли, указанныя великимъ Кофтою. На 32-й день надб было пустить себѣ кровь: тогда начинались конвульсіи, лихорадка, обмороки, выпадали волосы и зубы, сводило кожу — но все это появлялось вновь послѣ принятія ванны съ растворомъ *materia prima*. Лѣтъ черезъ 50 слѣдовало повторять эту операцию, и тогда человѣкъ могъ жить 5,557 лѣтъ. Самъ Кали-

остро увѣрялъ, что онъ жилъ еще во время всемірнаго потопа и спасся вмѣстѣ съ Ноемъ, въ его ковчегѣ.

1777 и 1778 годы Калюстро провелъ въ Германіи, занимаясь тѣми же мистическими и алхимическими фокусами.

Въ Германіи господствовали тогда два разнородныя стремленія, рационализмъ и піэтизмъ. Представители перваго ученія: Николай Лессингъ, Мендельсонъ возставали противъ неясности, несообразности нѣкоторыхъ религіозныхъ доктринъ въ то время, когда приверженцы противоположнаго ученія впадали въ теозофическія бредни. Всеобщее недовольство современныиъ, дѣйствительно незавидныиъ, положеніемъ общества и государства увлекало самыя положительныя умы въ области фантазіи, въ мистико-спиритическія мудрствованія, въ алхимико-теологическія выдумки, въ особенности развиваемыя Сведенборгомъ и, впоследствии, Месмеромъ. Ихъ поддерживали даже такіе люди, какъ Лафатеръ, Гасснеръ, Шрёпферъ. Вся Германія была наполнена тайными обществами, клубами, масонами, розенкрейцерами, иллюмина-тами; все стремилось къ чудесному, къ трансцендентальному. Цѣлю всѣхъ стремленій было достиженіе извѣстной степени совершенства, которое приблизило бы созданіе къ Создателю; всѣ старались облагородить свое тѣло, свои животныя инстинкты, развитъ въ себѣ интеллектуальныя качества до такой степени, что-бы достигнуть сверхъестественныхъ способностей: излеченія болѣзней, возможности знать поступки и мысли отсутствующихъ, власти надъ окружающимъ міромъ, подчиненія себѣ силъ природы. Магнетическія манипуляціи играли важную роль во всѣхъ собраніяхъ; сомнамбулизмъ возвышался на степень догмата. Теорія ясновидѣнія, примѣненная на практикѣ Пюсегюромъ въ южной Франціи, перешла отсюда въ Швейцарію и черезъ Страсбургъ распространилась въ Германіи. Лафатеръ лечилъ предписаніями сомнамбулизма, усыпляя свою жену и заставляя ее писать рецепты въ магнетическомъ снѣ. Журналы, хотя и не имѣвшіе тогда такого вліянія, какое производятъ въ наше время, поддерживали эти странныя ученія и вѣрованія. Въ серьезномъ изданіи „Berliner Monatschrift“, докторъ Землеръ и придворный проповѣдникъ Штаркъ доказывали возможность дѣлать золото съ помощью сверхъестественныхъ вліяній. Вездѣ вызвали мертвецовъ, заклинали духовъ, отыскивали клады, вѣрили въ колдовство, шабашъ вѣдьмъ на Гарцѣ, превращеніе людей въ свиней и волковъ.

Мудрено-ли, что на такой, какъ-будто нарочно подготовленной для него, почвѣ, Калюстро явился человѣкомъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе, прославившимся между суевѣрными и довѣрчивыми людьми.

Анонимная брошюра: „Mémoire pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro (Strasbourg, 1786)“, рассказываетъ много чудесъ, совершенныхъ авантюристомъ въ Германіи. Мы не станемъ, конечно, приводить ихъ и упомянемъ только о томъ, что въ Гольштиніи онъ сошелся съ другимъ, подобнымъ шарлатаномъ, графомъ Сен-Жерменъ, основавшимъ тутъ родъ ложи, съ зротическою цѣлью — достиженія въ жизни высшаго наслажденія. Калиостро и его жена были приняты въ эту ложу съ особенною торжественностью. Не вездѣ однако встрѣчали его съ почетомъ и любопытствомъ. На родинѣ Канта, въ Кенигсбергѣ, приняли его холодно и недоувѣрчиво, о чемъ свидѣтельствуеетъ тамошній епископъ Боровскій, въ своей брошюрѣ (Кенигсбергъ, 1790 г.). Министръ и канцлеръ Корфъ утверждалъ, что это — переодѣтый лакей. Его считали даже эмиссаромъ іезуитовъ. По словамъ Боровскаго, онъ терзалъ много оттого, что не умѣлъ говорить проповѣдей, которыя такъ любилъ простой народъ. Тогда онъ вздумалъ избрать новую арену для своихъ фокусовъ: на востокъ лежала страна малозвѣданная, представлявшая обширное поприще для искуателей приключеній, гдѣ, повидимому, легко можно было достигнуть извѣстности, почестей, богатства. Калиостро отправился въ Россію.

II.

Въ февралѣ 1779 года Калиостро появился въ Митавѣ. О пребываніи его въ этомъ городѣ имѣемъ мы любопытную книгу, написанную г-жею фон-дер-Реке, рожденною графинею Медемъ: „Nachricht von des berichtigten Cagliostro Aufenthalt in Mitau im Jahre 1779“ (Берлинъ, 1787). Эта образованная и даровитая женщина оставила намъ интересное, съ мельчайшими подробностями, описаніе пребыванія шарлатана въ этомъ городѣ и всѣхъ его магическихъ операций. Мы гѣмъ болѣе можемъ вѣрить этой книгѣ, что сочинительница принадлежала сначала къ преданнѣйшимъ приверженцамъ Калиостро, какъ ее отецъ и дядя, оба масоны и алхимики, принадлежавшіе къ высшему курляндскому дворянству. Черезъ нихъ Калиостро втерся въ лучшее общество города. Выдавая себя въ Англіи и Испаніи за прусскаго полковника, въ Митавѣ Калиостро назвалъ себя испанскимъ офицеромъ. Онъ увѣрилъ семейство Медемовъ, что имѣетъ важное порученіе отъ масонскаго ордена въ сѣверныя страны. Его представили начальнику города фон-дер-Ховену и майору Корфу и они увлеклись имъ. Тогда и г-жа Реке, съ своею теткою, графинею Кейзерлингъ и кузиною, графинею Медемъ, захотѣли узнать его ближе. Обманщикъ дѣйствовалъ ловко и увѣрилъ ихъ, что онъ имѣетъ пол-

помощіе, какъ гроемейстеръ ордена, открыть масонскую ложу „Loge d'Adoption“, въ которую будутъ приниматься и женщины. Ложа была дѣйствительно открыта и въ нее вступило много образованныхъ лицъ: Это было тѣмъ удивительнѣе, что Калиостро самъ выказывалъ весьма поверхностное образованіе: онъ не только писалъ плохо, съ орфографическими ошибками, но и говорилъ неправильно: по-итальянски — съ отвратительнымъ сицилійскимъ акцентомъ, по-французски — съ самыми тривиальными выраженіями; манеры его были грубы и неулыбчивы. Эти недостатки приверженцы его оправдывали долгимъ пребываніемъ его между грубыми обитателями Мединны и Египта. Что касается до образа жизни его, то надо сказать, что онъ былъ весьма воздержанъ и велъ себя примѣрно, толкуя постоянно о необходимости укрощенія страстей для достиженія совершенства. Само собою разумѣется, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали отъ него какого-нибудь магическаго опыта и онъ рѣшился показать имъ свое знаніе и могущество.

Съ этой цѣлью выбралъ онъ шестилѣтняго мальчика изъ семейства Медемовъ, помазалъ ему руку и тѣло „масломъ премудрости“, потомъ прочелъ надъ нимъ псаломъ. Когда ребенокъ былъ, такимъ образомъ, посвященъ „прозрѣнію“ (причемъ онъ сильно вспотѣлъ), Калиостро сдѣлалъ нѣсколько кабалистическихкихъ знаковъ на его головѣ и рукѣ и велѣлъ ему смотрѣть въ эту руку. Затѣмъ спросилъ онъ отца ребенка: „какое онъ хочетъ имѣть видѣніе?“ Тотъ просилъ магика, для того, что-бы не испугать мальчика, показать ему — его мать и сестру, которыя остались дома. Заклинаніе было повторено и минутъ черезъ десять мальчикъ сказалъ, что видитъ свою мать и сестру.

— „Что дѣлаетъ ваша сестра?“ спросилъ Калиостро.

— „Она положила руку на-сердце, какъ-будто оно болитъ у нея“, отвѣчалъ ребенокъ и прибавилъ немного спустя: „теперь она цѣлуетъ моего брата, который только что вернулся домой“.

Все это дѣйствительно случилось, но что-бы узнать все это прежде и научить мальчика повторять заранѣе заданный урокъ — стоило немного труда. И во всякомъ случаѣ это былъ весьма не хитрый опытъ очень скромной магіи.

Другой опытъ магическаго знанія Калиостро касался открытія кладовъ. Онъ объявилъ, что ему дано знать свыше о существованіи мѣста, гдѣ зарыты важныя магическія рукописи и драгоценности. Мѣсто клада было указано въ имѣніи графа Медема, недалеко отъ Митавы. Тамъ жилъ, по словамъ Калиостро, 600 лѣтъ тому назадъ, великій магикъ и спряталъ свои сокровища для блага человечества, но они должны достаться только добродѣтельнымъ людямъ,

хотя ихъ давно уже тщетно отыскиваютъ некромантики. Калиостро надѣялся, что ему удастся открыть ихъ, какъ ни опасна эта попытка и хотя кладъ стерегутъ злые духи. Но если онъ достанется приверженцамъ черной магіи — міръ ожидаютъ неисчислимыя бѣдствія. Поэтому всѣ должны были соединить свои молитвы съ молитвами Калиостро, что-бы ему даны были силы противудѣйствовать злымъ духамъ. Онъ описалъ подробно мѣсто и лѣсъ, гдѣ зарытъ кладъ, несмотря на то, что никогда не видалъ ихъ. Что-бы убѣдить всѣхъ въ существованіи клада, Калиостро опять прибѣгнулъ къ помощи мальчика, который, подъ его вліяніемъ, началъ говорить, что видитъ землю открытою и въ ней много золота, серебра и бумагъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой сцены, онъ объявилъ, что теперь успѣлъ сковать злого духа, охранявшаго кладъ, и черезъ нѣсколько времени приступить къ открытію его. Этого однако не дождались довѣрчивые митавцы, такъ какъ до окончанія этого срока Калиостро уѣхалъ въ Петербургъ.

Еще другой „магическій опытъ“ произвелъ Калиостро въ домѣ графа Медема, въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ масонской ложи. Онъ спросилъ имена двухъ умершихъ членовъ семейства Медемовъ, написалъ ихъ на бумагѣ съ разными кабалистическими знаками, потомъ сжегъ эту бумагу, натеръ пепломъ ея голову того же мальчика, который помогалъ ему и при первомъ экспериментѣ, и ввелъ его въ сосѣдную комнату, гдѣ онъ долженъ быть свидѣтелемъ важныхъ явленій. Заперевъ за нимъ дверь, Калиостро сказалъ присутствующимъ, что-бы они сѣли противъ двери и хранили глубокое молчаніе. Самъ онъ, съ обнаженной шпагой, сталъ передъ дверью, началъ махать ею, дѣлать разныя знаки на двери, кривляться и бормотать разныя слова, между которыми чаще всего слышались: „геліонъ, меліонъ, тетраграмматонъ“. Когда кто-то изъ присутствующихъ пошевелился, Калиостро закричалъ, какъ бѣшеный, что если кто-нибудь сдѣлаетъ хоть одно движеніе — всѣ они подвергнутся величайшей опасности. Послѣ этого онъ возобновилъ свои кривлянія, выкрикиваніе бессмысленныхъ словъ, снова обвелъ вокругъ присутствующихъ шпагой волшебный кругъ, говоря, что первый былъ уже нарушенъ и недействителенъ. Продолжая заклинанія, онъ требовалъ съвязъ запертую дверь, что-бы мальчикъ въ другой комнатѣ сталъ на колѣни и потомъ спросилъ, что онъ видитъ.

„Я вижу прекраснаго юношу, который мнѣ въ послѣдній разъ открылъ землю въ лѣсу“ (въ сценѣ съ открытіемъ клада), отвѣчалъ мальчикъ черезъ дверь.

— „Хорошо“, сказала Калиостро: „попросите юношу, что-бы онъ вамъ показалъ фонъ-NN, съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ“.

„Я вижу господина фонъ-NN; онъ очень печаленъ и у него цѣпи на рукахъ, ногахъ и на шеѣ“ былъ отвѣтъ.

— „Что видите вы теперь?“

„Юноша затягиваетъ крѣпче цѣпь на шеѣ NN“.

Калиостро спросилъ потомъ: „гдѣ находится NN“ и мальчикъ назвалъ его имѣніе, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Шарлатанъ потребовалъ, что-бы мальчикъ попросилъ прекраснаго юношу удалить NN и показать брата кузины фон-дер-Реке. Мальчикъ отвѣчалъ, что братъ этотъ явился, что онъ въ красномъ мундирѣ и кажется очень доволенъ, кладетъ руку на сердце и ласково смотритъ. Фокусникъ спросилъ далѣе, не хочетъ-ли мальчикъ видѣть еще что-нибудь. Тотъ попросилъ увидѣть маленькую, хорошенькую дѣвочку, похожую на графиню Калиостро, и которую графъ показывалъ ему во время послѣднихъ заклинаній. Черезъ нѣсколько секундъ мальчикъ сообщилъ, что дѣвочка явилась. Калиостро приказалъ ему обнять и поцѣловать дѣвочку и попросить, что-бы она показала ему лѣсъ. Послышался изъ другой комнаты звукъ поцѣлуя, потомъ мальчикъ сообщилъ, что видитъ лѣсъ и въ немъ срубленное дерево; далѣе открылась земля, и мальчикъ увидалъ въ ней пять подсвѣчниковъ, золото, серебро, много бумагъ, красный порошокъ и желѣзные инструменты; потомъ, по приказанію Калиостро, все исчезло и мальчикъ сказалъ, что видитъ длиннаго красиваго мужчину, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, съ краснымъ крестомъ на груди. Калиостро приказалъ мальчику поцѣловать руку у этого видѣнія и, послѣ звука поцѣлуя, началъ просить, что-бы оно было покровителемъ мальчика; наконецъ, съ конвульсивнымъ движеніемъ растворилъ дверь и, выведя мальчика изъ другой комнаты, упалъ въ обморокъ. Приведенный въ чувство, онъ просилъ присутствующихъ сохранить, по прежнему, молчаніе и неподвижность, вышелъ самъ въ другую комнату, гдѣ былъ мальчикъ, заперъ за собою дверь и тогда въ комнатѣ слышались сначала невнятные слова, потомъ сильный шумъ и черезъ нѣсколько минутъ заклинатель вышелъ оттуда съ довольной миной и объявилъ, что NN былъ виноватъ передъ нимъ и онъ наказалъ его; завтра же всѣ должны узнать, что въ то время, когда мальчикъ видѣлъ NN съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, онъ страдалъ сильной болью въ этихъ членахъ. Эти слова дѣйствительно оправдались на другой день. Но какъ пуста вся эта сцена заклинаній и явленій, въ сравненіи съ современными фокусами Девенпортовъ, спиритистовъ, спектровъ, фантазмагорій и т. п.! Госпожа Реке сама замѣ-

часть, что болѣзнь NN очень легко могла произойти оттого, что Калиостро обѣдалъ съ нимъ наканунѣ и далъ ему какого-то сладобя. Никакихъ другихъ „чудесъ“ Калиостро никогда не показывалъ и всѣ рассказы его панегиристовъ о вызываніи имъ духовъ, мертвецовъ — чистая выдумка, не подтверждаемая ни однимъ изъ современниковъ его, серьезно относившихся къ фокусамъ шарлатана. Только ослѣпленные и черезъ чуръ простодушные приверженцы Бальзамо могли не смѣясь присутствовать при такихъ грубыхъ продѣлкахъ и видѣть въ нихъ что-то сверхъестественное. Не поступки, а слова Калиостро должны были производить вліяніе на его современниковъ. Несмотря на свое невѣжество, онъ обладалъ дѣйствительно замѣчательною способностью по цѣлымъ часамъ приковывать къ себѣ вниманіе слушателей своими рѣчами, полными философскихъ и мистическихъ сентенцій, библейскихъ текстовъ, громкихъ фразъ, метафоръ и сравненій, повидимому глубокомысленныхъ, и это блестящее краснорѣчіе въ первый разъ ошеломляло бесѣдовавшихъ съ нимъ. Но и ему случалось при этомъ говорить такой вздоръ, нелѣпость котораго замѣчали даже самые наивные адепты его. Тогда онъ объяснял это тѣмъ, что въ эти минуты имъ овладѣвало вліяніе злыхъ духовъ черной магіи, вѣчно борющейся противъ такихъ свѣтлыхъ личностей, или что онъ нарочно испытывалъ своихъ учениковъ. Имъ оставалось тогда только преклониться передъ мудростью своего великаго учителя.

Главною цѣлью его пребыванія въ Митавѣ было, посредствомъ масонскихъ ложъ, въ которыхъ членами была курляндская аристократія, имѣвшая большія связи въ Петербургѣ, открыть себѣ доступъ и рекомендацію въ высшій кругъ петербургскаго общества и къ самой императрицѣ. Для достиженія этой цѣли онъ придумалъ взять съ собою въ столицу Россіи преданную ему госпожу Реке, гдѣ она будетъ основательницей особой масонской ложи, въ которую Калиостро хотѣлъ привлечь и Екатерину II. На русскій дворъ могло, конечно, произвести вліяніе — появленіе въ столицѣ Калиостро, въ сопровожденіи одной изъ представительницъ высшаго курляндскаго общества, а изъ братьевъ и сестеръ масонской ложи онъ могъ извлекать денежныя выгоды, которыми пользовался и въ Митавѣ, хотя жилъ въ домѣ графа Медема иа всемъ готовомъ. Это не мѣшало ему принимать цѣнные подарки отъ своихъ почитателей. Такъ фон-дер-Ховенъ подарилъ ему 800 червонцевъ и дорогой брилліантовый перстень. Онъ задумалъ даже приобрести болѣе значительный кушъ. Герцогиня курляндская носила великолѣпное ожерелье изъ огромныхъ жемчужинъ. Калиостро рассказывалъ, что онъ знаетъ этотъ жемчугъ и что самъ дѣлалъ его въ Голландіи для того, что-бы помочь одному обан-

кротившемуся соотечественнику, расплавивъ и увеличивъ мелкій жемчугъ, который носила его жена. Магикъ вызывался повторить эту операцію, что-бы еще болѣе увеличить цѣнность ожерелья герцогини, надѣясь, конечно, что ему поручатъ это черезъ посредство госпожи фон-дер-Реке, но она принесла къ нему прежде свой жемчугъ и просила, увеличивъ его, продать въ свою пользу, а ей выплатить только небольшую сумму, нужную для одной благотворительной цѣли. Бальзамо отказался подь тѣмъ предлогомъ, что для этой операціи ему нужно по крайней мѣрѣ шесть недѣль, а онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ, взять же съ собою жемчугъ онъ не согласился, отговариваясь незнаемь, будетъ-ли у него для этого время въ русской столицѣ. Взять съ собою свою почитательницу ему также не удалось и по своей собственной винѣ и оплошности. Видясь съ нею очень часто и сообщая ей о своихъ открытіяхъ и познаніяхъ, объ умѣньи его обращать всѣ металлы въ золото, продолжать до безконечности челоуѣческую жизнь, дѣлать шелкъ изъ пеньки, онъ проговорился однажды, что имѣеть такую власть и надъ женщинами, что каждую изъ нихъ можетъ, своими чарами, заставить отдаться ему, даже противъ ея воли. Это вліяніе свое онъ имѣлъ глупость подтвердить нѣсколькими примѣрами. Кромѣ того, въ одной изъ своихъ бесѣдъ, въ присутствіи многихъ лицъ, онъ до того забылся, что нарушилъ всѣ приличія и сталъ говорить съ крайнимъ цинизмомъ о такихъ предметахъ, что оскорбилъ всѣхъ женщинъ; слушатели должны были остановить потокъ его грязнаго краснорѣчія и замѣтить ему, какъ возмутительны высказываемыя имъ сужденія. Онъ, по обыкновенію, объяснилъ слова свои тѣмъ, что хотѣлъ испытать своихъ слушателей. Но на строго-правственную госпожу Реке все это произвело такое сильное впечатлѣніе, что она стала отдаляться съ тѣхъ поръ отъ своего учителя и, не считая еще его обманщикомъ, объяснила его постыдныя убѣжденія тѣмъ, что онъ былъ въ эту эпоху подь вліяніемъ злыхъ духовъ черной магіи, съ которыми, по словамъ его, онъ находился въ вѣчной борьбѣ. Поэтому она на-отрѣвъ отказалась слѣдовать за нимъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ планы Бальзамо рушились и онъ долженъ былъ ѣхать одинъ.

III.

Понимая, что надо дѣйствовать осторожно, Калюстро явился въ русской столицѣ подь видомъ врача и полковника испанской арміи, принадлежащаго къ высшему кругу. Объ Испаніи въ то время въ Россіи имѣли весьма поверхностныя свѣдѣнія, но къ нему стали

являться какъ къ доктору. Онъ велъ себя чрезвычайно осмотрительно, выслушивалъ внимательно больныхъ, давалъ совѣты, лекарства, не принимая никакой платы, даже самъ раздавалъ деньги немущимъ. Расчетъ его былъ вѣренъ: эти поступки сдѣлали его скоро извѣстнымъ при дворѣ; не рассчитавъ онъ только одного, что при дворѣ былъ испанскій посланникъ, захотѣвшій поближе узнать своего соотечественника. Маркизъ Нормандесъ прежде всего замѣтилъ, что имени Калиостро нѣтъ въ числѣ испанской аристократіи и обратился за свѣдѣніями о немъ къ своему правительству. Отвѣтъ пришелъ, разумѣется, такой, что никакого графа Калиостро не было никогда въ испанской арміи. Посланникъ обнародовалъ это извѣстіе въ газетахъ. Это не помѣшало однако авантюристу найти здѣсь горячихъ приверженцевъ и даже между иностранными посланниками. Его приглашали въ извѣстные дома, посѣщали его самого въ его лабораторіи, гдѣ онъ работалъ въ присутствіи гостей. Къ сожалѣнію, въ запискахъ того времени не сохранилось подробностей о пребываніи Калиостро въ Петербургѣ. Ни Храповицкій, ни Грибовскій, ни Лопухинъ не упоминаютъ о немъ. Галаховъ въ своей „Исторіи литературы“, Араповъ—въ „Лѣтописи русскаго театра“ показываютъ даже ошибочно годъ его пребыванія въ нашей столицѣ (1777). А между тѣмъ онъ долженъ былъ произвести здѣсь вліяніе, если сама императрица сочла нужнымъ вывести его на сцену въ одной изъ своихъ пьесъ. Мы знаемъ также, что Потемкинъ посѣщалъ его, какъ свидѣлствуютъ „Mémoires authentiques“, о которыхъ мы уже упоминали. Правда, они прибавляютъ, что причиною частыхъ посѣщеній князя Тавриды былъ не Калиостро, а его хорошенькая супруга, которая здѣсь называлась уже не графиней, а принцессою Санта-Кроче.

Мемуары эти приводятъ о Калиостро слѣдующій рассказъ, которому нельзя вполнѣ довѣрять, какъ и вообще всему, что пишетъ авторъ ихъ. Мы приводимъ, однако, рассказъ этотъ, такъ какъ онъ объясняетъ отчасти причину недолгаго пребыванія Калиостро въ Петербургѣ и отъѣзда его изъ этого города, гдѣ ему не удалось осуществить свои планы и намѣренія.

Близкое знакомство Потемкина съ женою Калиостро возбудило, по словамъ мемуаровъ, неудовольствіе въ одной высшей особѣ и „принцесса“ согласилась прервать связь съ княземъ и уѣхать изъ столицы за извѣстную сумму отступного. Авантюристка получила будто бы тридцать тысячъ рублей, но при свиданіи съ княземъ сообщила ему объ этомъ, увѣряя его, что разлука для нея была бы слишкомъ тяжела и предлагая возвратить сумму, присланную ей для выѣзда изъ столицы, лишь бы только не покидать ее такъ скоро.

Всемогущій фаворитъ, польщенный такою безкорыстною привязанностью... къ Петербургу, отвѣчалъ, что она можетъ оставаться здѣсь сколько ей угодно, и возвратилъ тридцать тысячъ, конечно изъ своей кассы. Но и протекція князя не помогла, такъ какъ вскорѣ же произошли два случая, выставившіе Калостро въ непривлекательномъ свѣтѣ. Прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ, представилъ въ судъ ко изысканію долговое обязательство авантюриста на довольно значительную сумму, выданное имъ въ Кадисѣ прусскому консулу. Въ то же время произошло слѣдующее происшествіе, подробно описанное въ брошюрѣ, вышедшей, въ 1786 году, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, подъ названіемъ: „Le charlatan démasqué“. Богатая русская дама, наслышавшись о чудесахъ Бальзама, явилась къ нему съ просьбою спасти ея маленькаго сына, лежавшаго при смерти. Тотъ обѣщалъ это и потребовалъ, что-бы ребенокъ былъ порученъ ему на нѣсколько недѣль. Она согласилась на это и Калостро, по прошествіи этого времени, возвратилъ ей ребенка совершенно здоровымъ, получивъ за это удивительное излеченіе двѣ тысячи. Но можно представить себѣ положеніе матери, когда она убѣдилась вскорѣ, что ей возвращенъ чужой ребенокъ. Она принесла жалобу на такой наглый обманъ. Въ то же время лейб-медики императрицы представили ей, что шарлатанъ, продавая лекарства, возвращавшія молодость и продолжавшія жизнь до безконечности, подрываетъ всякое довѣріе къ медицинѣ и приноситъ большой вредъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлому обществу. Тогда императрица приказала выслать Калостро изъ Петербурга. Это обстоятельство разсказано въ книгѣ: „Ephemereden der Freimauerei in Deutschland“ (1785 г., стр. 112). Въ брошюрѣ, „Le charlatan démasqué“ прибавлено, что передъ домою, гдѣ жилъ Калостро, произведена была враждебная демонстрація. Шарлатанъ прибѣгнулъ къ странному средству, что-бы доказать свое превосходство надъ врачами. Онъ предложилъ составить микстуру изъ сильнѣйшихъ ядовъ, съ тѣмъ, что онъ самъ и всѣ его противники должны выпить ее, и тогда останется живъ тотъ, кто правъ. Конечно, никто не согласился на это, и Калостро, въ апрѣлѣ 1780 г., оставилъ Петербургъ, говоря, что онъ заставилъ замолчать своихъ враговъ.

Но не мало оставилъ онъ и друзей въ нашей столицѣ — и это дало поводъ Екаторинѣ II, черезъ пять лѣтъ послѣ его отъѣзда, вывести его на сцену и осмѣять въ своихъ комедіяхъ его шарлатанство и ослѣпленіе публики, вѣрившей въ мнимыя чудеса мнимаго волшебника. Считаемъ нелишнимъ поговорить подробнѣе объ этихъ произведеніяхъ, такъ какъ они принадлежатъ женщинѣ, владѣвшей не только скипетромъ, но и перомъ, удивлявшей Европу не только под-

вѣтами своего царствованія, но и высокими мыслями, изложенными въ ея сочиненіяхъ.

IV.

Екатерина не любила ни масоновъ, ни мартинистовъ, ни мистиковъ, ни иллюминатовъ; обо всѣхъ этихъ ученіяхъ и тайныхъ обществахъ она отзывалась, какъ о вредныхъ для государства затѣяхъ; даже идеи энциклопедистовъ она считала приемлемыми только въ небольшому образованному классу, а не къ массамъ народа. Противъ теозофовъ она написала комедію: „Шаманъ Сибирскій“; объ иллюминатахъ писала въ Циммерману: „Это—секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ“ (28-го мая 1788 г.). Немудрено поэтому, что въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ, въ „Былахъ и небылицахъ“, въ комедіяхъ она возставала противъ этихъ ученій. Вотъ что говоритъ она сама по поводу двухъ своихъ пьесъ, въ письмѣ къ Циммерману отъ 10-го января 1786 г. (въ книгѣ Zimmermann's Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II, von H. Marsgard, Bremen, 1803, стр. 725. Переписка Екатерины съ Циммерманомъ переведена Н. Степановымъ и издана въ Петербургѣ, въ томъ же году): „Относительно театра я должна вамъ сказать, что здѣсь появились двѣ русскія комедіи: одна, подъ названіемъ „Обманщикъ“, другая—„Обольщенный“. Первая представляетъ Калиostro (котораго я не видала также какъ и жену его, хотя они и были здѣсь) въ настоящемъ его видѣ, а другая изображаетъ обольщенныхъ имъ. Наша публика въ восторгѣ отъ этихъ пьесъ, которыя въ самомъ дѣлѣ забавны. Я это вамъ говорю для того, чтобы вы знали, какъ у насъ обращаются съ иллюминатами“. Циммерманъ, конечно, отвѣчалъ похвалами и просилъ императрицу перевести пьесы на нѣмецкій языкъ; она послушалась и „Обманщикъ“, написанный въ 1785 году, игранный 4-го января 1786 г., и въ томъ же году вышедшій изъ печати, былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Арндтомъ (Der Betrüger, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetzt. St.-Petersburg, bei Karl Schnoor. 1786, 64 страницы). Переводчику, какъ упоминаетъ Храповицкій, — было пожаловано 300 рублей. Въ 1787 г. пьесу эту еще разъ издалъ, въ другомъ переводѣ, Фридрихъ Николай, берлинскій книгопродавецъ и другъ Лессинга. Ее играли и на нѣмецкой петербургской сценѣ. „Обольщенный“, тогда же написанный и напечатанный въ двухъ изданіяхъ, былъ также игранъ съ успѣхомъ и переведенъ Арндтомъ. Онъ помѣщенъ также въ 13-й части „Россійскаго Театра“. Обѣ пьесы принесли до 20,000 рублей сбора въ кассу театра. Расскажемъ ихъ содержаніе, приведенное въ нѣсколькихъ словахъ въ „Исторіи Литературы Галахова“ въ его же

разборъ „Былей и небылицъ“ („Отеч. Записки“ 1856 г., т. 10, стр. 43—85), въ статьѣ М. Н. Макарова: „Екатерина II на поприщѣ драматическомъ“ („Репертуаръ“ 1844 г., № 1) и М. Н. Лонгинова: „Драматическія“ сочиненія Екатерины II“ (Молва, 1857 г. № 3, 4и 5).—„Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины, II“ П. Пекарскаго. (Приложеніе въ III-му тому „Записокъ Академіи Наукъ“ 1863 г.) ни слова не говорятъ о ея пьесахъ, также какъ и „Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ“ П. Свинына („Сынъ Отечества“ 1836 г., кн. 1).

Въ первомъ дѣйствіи Додинъ, женихъ Софьи, спрашиваетъ у Марьи, служанки Самблиной, какимъ путемъ можетъ онъ познакомиться съ ея барыней. Марья отвѣчаетъ, что госпожа ея ни съ кѣмъ не знается, а баринъ видится, весьма потаенно, только съ людьми, которыхъ называютъ кажется „мартышками“. Эта незамысловатая насмѣшка надъ мартинистами встрѣчается и въ стихахъ Державина („Мартышки въ воздухѣ явились“, Ода на счастье). Является одинъ изъ первыхъ любимцевъ Самблина—Калифалжерстонъ; онъ ходитъ въ задумчивости, разсуждаетъ руками, будто декламируетъ, кланяется въ ту сторону, гдѣ никого нѣтъ, сначала не замѣчаетъ Додина, потомъ на вопросъ, кто онъ таковъ, называетъ себя, прибавляя, что познанія его обширны, какъ вселенная, искусство неизмѣримо, власть неограниченна, сила дѣйствуетъ повсюду, а „качества суть количества, аки девятое число въ исчисленіи“.—Сіе похоже на сумасшествіе, замѣчаетъ Додинъ.—Еще то ли услышишь, какъ узнаешь меня, отвѣчаетъ Калифалжерстонъ: я малые алмазы передѣлываю большими иногда для своей забавы. Напримѣръ: бездѣлушка, которая у тебя на рукѣ, перстень, буде мнѣ отдать, я тебѣ возвращу, величиной въ одинъ камень втрое противу того, какъ онъ теперь, лишь прибавь на сто червонныхъ чистаго золота“. Додинъ отдаетъ перстень, съ тѣмъ, что-бы онъ помогалъ ему. При входѣ Самблина, Калифалжерстонъ опять начинаетъ разговаривать самъ съ собою и объявляетъ, что бесѣдовалъ съ Александромъ Македонскимъ, котораго зналъ, когда тотъ отправлялся съ войскомъ завоевывать Персію. Александръ передалъ ему просьбу кормилицы своей Олимпіи—оказать покровительство ея потомку, Додину. Приходитъ слуга съ извѣщеніемъ, что госпожа Самблина лежитъ безъ памяти и не знаютъ, будетъ-ли жива. Калифалжерстонъ общается вылечить ее и, въ то же время, помочь Додину жениться на Софѣ. Первое дѣйствіе оканчивается.

Второе происходитъ въ комнатѣ Самблиной. Она въ обморокѣ, лежитъ на креслахъ. Вокругъ нея докторъ, лекаръ и ея другъ Кварковъ. Лекаръ совѣтуетъ пустить кровь, докторъ—дать напередъ про-

хладительнаго, потомъ очистительнаго, послѣ чего подрѣзительнаго, затѣмъ предупредительнаго. Калифалжерстонъ разспрашиваетъ у мадамъ Грибужъ, гувернантки Софьи, что дѣлала Самблина передъ тѣмъ, какъ упала въ обморокъ. Та отвѣчаетъ, что она играла на клавинодахъ, а Кварковъ не хотѣлъ пѣть, на что она разсердилась. Калифалжерстонъ понялъ, что они поссорились; заставляетъ Кваркова пѣть и Самблина приходитъ въ чувство. Самблина удивляется его искусству. Докторъ проситъ денегъ за визитъ, лекаръ — на извозчика. Первому Калифалжерстонъ говорить, что-бъ онъ приходилъ черезъ семнадцать дней, когда будетъ готово золото, которое уже три мѣсяца кипитъ на очагѣ; второму Додинъ даетъ денегъ — и они удаляются. Самблинъ въ восторгѣ отъ знанія своего друга; жена его и Кварковъ сначала подсмѣиваются надъ шарлатаномъ; потомъ, испуганные намеками его, что онъ откроетъ ихъ тайну, прославляютъ также его могущество. Всѣ уходятъ въ Софью, дочери Самблиныхъ.

Третье дѣйствіе — въ комнатѣ Софьи; туда приходятъ всѣ лица; Калифалжерстонъ продолжаетъ городить высокопарную чушь, находя въ сходствѣ дочери съ матерью „лучи, пламень, бытіе, количество, свойство съ сопротивностями“ и утверждая, что женихъ ея долженъ быть составленъ изъ семи коренныхъ цвѣтовъ. Является дворецкій съ докладомъ, что котель съ золотомъ — лопнулъ. Калифалжерстонъ утѣшаетъ Самблина тѣмъ, что остался еще другой котель, въ которомъ кипятъ алмазы, но что для успѣшнаго увеличенія ихъ, надо подложить алмазовъ еще покрупнѣе. Самблинъ беретъ для этого у жены ея складень и они идутъ производить операцію.

Въ четвертомъ дѣйствіи въ комнату Самблина приносятъ футляръ съ брилліантами; Калифалжерстонъ хочетъ вынимать камни и положить ихъ въ котель, но приходитъ Додинъ и губернёръ сына Самблина, Роти. Додинъ отказывается отъ покровительства Калифалжерстона, упрекая его въ шарлатанствѣ; Роти ссорится съ нимъ и даже даетъ ему пощечину; Калифалжерстонъ замѣчаетъ только: „дерешься, братъ, больно“ и уходитъ варить алмазы, но вслѣдъ затѣмъ является дворецкій съ извѣщеніемъ, что и второй котель лопнулъ. Самблинъ отправляется съ Додинымъ получить обратно только что взятые у него брилліанты.

Пятое дѣйствіе начинается разсказомъ служанки, что Калифалжерстонъ ушелъ — и съ алмазами. Самблинъ подтверждаетъ это, но Додинъ возвращаетъ похищенное, рассказывая, что остановилъ у городскихъ воротъ коляску, въ которой бѣжалъ обманщикъ, увозя съ собою ожерелье и гувернантку, мадамъ Грибужъ. Самблинъ общается

впредь остерегаться обманщика. Дюдинъ оканчиваетъ пьесу слѣдующимъ монологомъ:

„Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новой, но едва не беретъ-ли онъ на себя по временамъ виды только разные; сіе отдаю я вамъ на размышленіе. Разуменъ тотъ изъ насъ, кто не всегда по модѣ слѣдуетъ предубѣжденію. Буде кто со мною въ семъ согласенъ, прошу изъяснить мнѣ сіе какъ-нибудь. Ежели молчаніемъ то разумѣю я уже... есть-ли, паче чаянія, заблагоразсудится — равномерно пріемлется и нѣсколько плесканія ружъ“. (*Поклонясь уходитъ*).

Комедія эта, конечно, очень навивна въ литературномъ и неуклюжа въ сценическомъ отношеніи, но въ ней есть, хотя и слабо очерченныя характеры, а главное лицо изображено почти не въ карикатурѣ и съ весьма небольшими преувеличеніями. Понятно, что такая насмѣшка была смѣльнымъ подвигомъ въ эпоху, когда въ массахъ преобладала страсть къ чудесному и на Калиостро только не многіе, развитые люди смотрѣли, какъ на обманщика.

Во второй пьесѣ „Обольщенный“ главное лицо—Радотовъ, бредящій сношеніями съ духами, считающій болѣзнь самымъ благимъ состояніемъ, выражающійся мистическими афоризмами; онъ „варитъ золото, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ невѣсть что; домогается имѣть свиданіе съ какими-то невидимками; голову ему свернули кабалистическія бредни; для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя“. Дочь его видитъ также вездѣ духовъ; отецъ хочетъ выдать ее и свою племянницу за проходимцевъ, подлаживающихся подъ его идеи. Въ четвертомъ дѣйствіи есть сцена, напоминающая фокусы Калиостро. Протолюкъ заставляеть восьмилѣтняго ребенка смотрѣть въ свою руку, топтать ногами и спрашиваетъ: что онъ видитъ? Дитя отвѣчаетъ: „ничего!“ Протолюкъ приписываетъ неудачу опыта присутствію недостойнаго человѣка. Въ пятомъ дѣйствіи, въ разговорѣ двухъ, вовсе не нужныхъ, по ходу пьесы, лицъ—Брагина и Бритягина, высказываются мысли, принадлежащія самой императрицѣ, и развитыя ею впоследствии въ „Былахъ и небывлицахъ“. „Они (мистики и мартинисты) въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и т. п. и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ. Дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?“ Пьеса оканчивается тѣмъ, что друзья-духовидцы обкрадываютъ Радотова, но возлюбленные его дочери и племянницы возвращаютъ украденное. Радотовъ раскрывается въ своемъ заблужденіи и Бритягинъ оканчиваетъ комедію слѣдующими словами: „По

умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ. Во обще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались. Надзираніе безспорно въ рукахъ начальства. Благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію“.

Эта комедія и по исполненію и по замыслу гораздо слабѣе „Обманщица“, но что и въ ней императрица хотѣла осмѣять Калиостро, его фокусы и ученіе — это очевидно. Еще разъ упоминаетъ она объ авантюристѣ въ письмѣ къ Циммерману, по поводу статьи его въ „Гамбургской газетѣ“, гдѣ возставая противъ магнетизеровъ, давшихъ свои сеансы въ Страсбургѣ, онъ сравниваетъ ихъ фокусы съ продѣлками сибирскихъ шамановъ, осмѣянными Екатериною въ третьей пьесѣ своей: „Шаманъ Сибирскій“ (1786 г.) „Ласкаюсь надеждой“, говоритъ императрица, что не замедлятъ выписать изъ Страсбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается столь постоянная склонность къ подобнымъ шарлатанамъ; могу увѣрить напередъ, что они будутъ подешевле и удобнѣе обмануты, нежели Калиостромъ съ товарищи“. Еще прежде, въ письмѣ къ тому же лицу о той же пьесѣ, Екатерина замѣчаетъ: „Неглѣпости стойки. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаетъ, что слѣбно предаваться всѣмъ снмъ. фиглярствамъ — принадлежать къ искусству жить въ свѣтѣ; они уже наскучили здравою философіею... Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ дурачиться такихъ людей, которые прежде сего не были дураками“ (Соч. Екатерины II-й, изданіе Смирдина, часть III, страница 448).

V.

Мы видѣли, что Калиостро обѣщалъ вернуться изъ Петербурга въ Митаву, что-бы заняться тамъ отысканіемъ знаменитаго клада въ имѣніи одного изъ своихъ почитателей, который онъ оставилъ подъ надзоромъ подвластныхъ ему духовъ. Но очевидно, что возвращеніе въ городъ, гдѣ всѣ продѣлки его могли обнаружиться — было невыгодно для шарлатана, и онъ неожиданно явился въ Варшавѣ, въ началѣ мая 1780 года. (Стало быть въ Петербургѣ онъ провелъ около полугода). О пребываніи его въ этомъ городѣ есть любопытная и вполне добросовѣстная брошюра „Cagliostro démasqué à Varsovie ou relation authentique de ses opérations alchimiques“. Она издана безъ имени автора, но принадлежитъ графу Мощинскому и составляетъ отрывокъ изъ его дневника. Сужденіямъ автора придаетъ еще болѣе значенія то обстоятельство, что онъ самъ былъ замѣчательный ученный

и въ особенности — химикъ. И здѣсь, какъ вездѣ, Калюстро нашель покровителей въ лицѣ богатыхъ магнатовъ и поселился во дворцѣ одного изъ нихъ съ своею женою, выдавая себя за главу египетскаго масонства. И здѣсь повторилъ онъ свои магическіе опыты въ томъ же видѣ какъ въ Митавѣ, передъ дверью, завѣшанною чернымъ сукномъ, съ помощью восьмилѣтней дѣвочки, которой онъ наливалъ въ руку масло, заставлялъ ее цѣловаться съ ангелами, которые являлись ей, писалъ имя одного изъ присутствующихъ при опытѣ на бумажкѣ, сожигалъ ее и черезъ нѣсколько времени получалъ это-же имя, написанное на другой бумажкѣ съ масонскими знаками, которую ребенокъ просовывалъ ему изъ подъ двери другой комнаты. Но въ Варшавѣ были не такъ легковѣрны, какъ въ Митавѣ. Мощинскій и другой панъ принялись разспрашивать дѣвочку и выпытали отъ ребенка, что всѣ отвѣты его были заранѣе подсказаны ему шарлатаномъ и только заучены дѣвочкою. Калюстро, узнавъ объ этомъ, началъ производить свои опыты уже не съ ребенкомъ, который легко можетъ проболтаться, а съ шестнадцатилѣтнею дѣвушкою. Дѣло было устроено такъ ловко, что самъ Мощинскій поколебался въ недѣврїи къ фокуснику. Но черезъ нѣсколько дней къ нему явилась эта помощница Калюстро и объявила о томъ, что вмѣстѣ съ нимъ надувала зрителей. Открытіе это она сдѣлала, что-бы отмстить ему за оскорбительное обращеніе съ нею. Мощинскій сообщилъ объ этомъ почитателямъ Калюстро, но они ничему не хотѣли вѣрить.

Кромѣ вызыванія духовъ, Калюстро упражнялся еще въ разъясненїи таинствъ египетской магіи, сочинялъ рецепты для растопленїя янтара, для составленїя жемчуга и коралловъ, давалъ даже медицинскіе рецепты, но средства, прописываемыя имъ, или не находились въ аптекахъ или не производили никакого дѣйствїя; онъ не переставалъ также варить золото изъ ртути, и графъ Мощинскій описываетъ подробно въ своей брошюрѣ всѣ приемы алхимика, изъ которыхъ, конечно, ничего не выходило, кромѣ надувательства. При этомъ Калюстро выказалъ совершенное невѣжество и незнаніе основныхъ началъ химїи и, несмотря на это, когда черезъ нѣсколько времени вскрыли замазанный гипсомъ тигель, гдѣ варилась ртуть съ краснымъ порошкомъ, всыпаннымъ туда, въ тиглѣ найденъ былъ серебрянный сплавъ со слѣдами въ немъ золота. Это поразило даже Мощинскаго; не вѣрившаго обманщику, который улучилъ какъ-нибудь благоприятную минуту и поддѣвиль тигель. Это предположеніе подтвердилось впоследствии. Въ саду дворца, гдѣ жилъ алхимикъ, въ ямѣ нашли осколки тигля съ остатками химическихъ соединенїй ртути. Калюстро выкинулъ еще болѣе смѣлую штуку, обѣщая показать своимъ при-

верженцамъ верховнаго владыку египетской магіи, своего учителя, великаго Кофту, живущаго въ Египтѣ уже тысячу лѣтъ. На подмосткахъ, устроенныхъ въ глубинѣ залы, при слабомъ освѣщеніи двухъ свѣчей, показался старикъ съ бѣлой бородой, въ восточномъ турбанѣ и длинной бѣлой одеждѣ. Глухимъ, тихимъ голосомъ спросилъ онъ одного изъ присутствовавшихъ при этой сценѣ: кого видитъ онъ предъ собою? и тотъ, разсерженный такою глупою комедіею, отвѣчалъ, что видитъ Калиостро въ маскѣ съ подвязанною бородой. Старикъ въ негодованіи погасилъ свѣчи и скрылся во мракѣ. Мощинскій, описавъ эту сцену шарлатанства, удивляется, какъ могутъ находиться люди, вѣрующіе такимъ пелѣвнымъ явленіямъ, но чѣмъ же правдоподобіе явленія нашего времени, всѣ эти мадонны въ лурдскихъ гротахъ, ангелы, спускавшіеся къ Маріи Алапокъ и другія порожденія разстроенаго воображенія?

Въ кругу адептовъ магіка одинъ Мощинскій смѣялся надъ нимъ, не разъ упрекалъ его и обнаруживалъ его обманы. Тогда Калиостро прибѣгалъ къ краснорѣчію, произносилъ восторженныя тирады, увѣрялъ, что онъ преслѣдуетъ не земныя цѣли, а стремится къ достиженію высшаго, небеснаго блаженства, что онъ сдѣлаетъ людей счастливыми, несмотря на то, что они осыпаютъ его оскорбленіями; что онъ позволяетъ убить себя, если не исполнить своихъ обѣщаній. И ему опять вѣрили, и онъ опять пускался дѣлать свои фокусы, а жена его—принимать подарки и безъ вѣдома мужа продавать дорогою цѣною секретныя лекарства и тайныя снадобья, такъ какъ онъ, заботясь только о благѣ человѣчества, самъ не бралъ денегъ за свои спеціи. Вся его слава однако рушилась вдругъ съ открытіемъ въ саду тигля, о которомъ мы уже говорили, и въ одну ночь Калиостро скрылся изъ Варшавы, пробывъ въ ней менѣе двухъ мѣсяцевъ.

Проживъ нѣсколько времени во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, онъ остановился въ Страсбургѣ, гдѣ прославился въ особенности леченіемъ больныхъ, но въ ежемѣсячномъ журналѣ той эпохи: „Oberrheinische Manigfaltigkeiten“ (1781. т. VIII) говорится положительно, что на одного, выключеннаго имъ, приходится по крайней мѣрѣ десять, которымъ онъ не только не помогъ, а еще усилилъ болѣзнь ихъ, употребляя при леченіи очень сильныя средства; журналъ называетъ нѣсколько такихъ лицъ и, между прочимъ, секретаря страсбургскаго коменданта, маркиза де-ла-Салль. Въ этомъ же городѣ встрѣтился съ нимъ профессоръ Норбергъ изъ Упсала и заговорилъ съ нимъ по-арабски, такъ какъ Калиостро увѣрялъ, что, проживъ 20 лѣтъ въ Египтѣ и Аравіи, знаетъ отлично этотъ языкъ. Оказалось однако, что

знаменитый чародѣй не понималъ даже, на какомъ языкѣ говорятъ съ нимъ.

Нѣсколько удачныхъ случаевъ леченія сдѣлали, однако, и здѣсь Калостро предметомъ всеобщаго удивленія и поклоненія. Вельможи высшего круга, въ особенности дамы, прославляли его чудеса; маркизъ де-ла-Салль и принцъ Роганъ писали о немъ министрамъ. Только одна періодическая печать возставала противъ почти повальнаго ослѣпленія. Вотъ какъ описывалъ фокусника одинъ путешественникъ, дневникъ котораго появился въ журналѣ: „Berliner Monatschrift“ (1784 г., декабрьская книжка): „Сегодня представляли меня знаменитому графу Калостро. Такого оригинальнаго, дѣракаго, обо всемъ отаивающагося съ презрѣнiемъ, высоко поднимающаго носъ шарлатана en gros мнѣ еще никогда не приходилось встрѣчать. Это маленький, толстый, широкоплечій, коренастый парень, съ широкою, здоровою грудью, толстынкъ затылкомъ, круглою головою, съ черными волосами, низкимъ лбомъ, быстрыми, круглыми, блестящими глазами, безпоясаннымъ взглядомъ, широкимъ, слегка загнутымъ, носомъ, мясистыми, круглыми, всегда раскрытыми губами, краснымъ, жирнымъ, выдающимся подбородкомъ, крѣпкими челюстями, маленькими, тонкими ушами, маленькими, пухлыми руками, красивыми, маленькими ногами, полнокровный, съ темно-красноватымъ цвѣтомъ лица, сильнымъ, звучнымъ голосомъ... При взглядѣ на него дѣлается понятнымъ, отчего этотъ наглый хвостунъ такъ смѣло эксплуатируетъ людскую глупость и слабость“. Этотъ портретъ магика—хотя и не польщенъ, но очень схожъ съ оригиналомъ.

Несмотря на покровительство такихъ лицъ, какъ принцъ Роганъ, у котораго шарлатанъ выманилъ значительную сумму денегъ, какъ хранитель печати маркиза Миромениль, первый министръ графъ Верженъ, военный маркизъ Сегюръ, Калостро долженъ былъ скоро оставить Страсбургъ и отправиться въ Неаполь; но и тамъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ попыткахъ—основать масонскую ложу и вернулся во Францію, избравъ мѣстомъ своего пребыванія Бордо, гдѣ прожилъ одиннадцать мѣсяцевъ, сойдясь съ однимъ аптекаремъ, которому поручилъ продавать свои секретныя лекарства. Аптекаря этого собраты его хотѣли исключить изъ своего цеха, если онъ будетъ торговать подобными снадобьями, и союзъ поневолѣ долженъ былъ разстроиться. Большая неудача постигла также магика, вздумавшаго ухаживать за одной дамой, мужъ которой такъ отдѣлалъ за это любезника, что тотъ захворалъ разлитiемъ желчи, и за то, появившись къ своимъ друзьямъ послѣ продолжительной болѣзни, увѣрилъ ихъ, что провелъ все время въ магическомъ снѣ и имѣлъ таинственныя видѣнiя. Въ

этой неудачѣ утѣшила его другая дама, вручившая ему 5,000 франковъ съ тѣмъ, что-бы онъ помогъ ей открыть кладъ въ ея имѣніи, о существованіи котораго ему сообщили подаластные духи. Съ этими деньгами Калиостро поспѣшилъ уѣхать въ Ліонъ, гдѣ основалъ масонскую ложу. При арестѣ Бальзамо, въ 1786 г., было найдено у него много патентовъ на званіе членовъ этой ложи съ слѣдующей, вступительной формулой:

„Честь, мудрость, единеніе. Благотворительность, благоденствіе! Мы, великій Кофта во всѣхъ восточныхъ и западныхъ частяхъ земли, основатель и гросмейстеръ великаго египетскаго масонства, даемъ знать всѣмъ“ и проч. На рамкѣ этого патента изображены рѣзанные на мѣди эмблемы масонства: трехугольники, семиугольники, лопатки, компасы, ватерпасы, молотки, мертвыя головы, зубы, отвѣсы, наугольники, фениксъ, глобусъ, храмъ и др. предметы и между ними масонскія сентенціи: *Odi profanum vulgus et arceo. Petite et accipietis. Querite et invenietis. Pulsate et aperietur vobis. In constanti labore opes* и проч. Между этими девизами замѣчательнѣе всего были крестъ съ буквами *L. P. D.* вокругъ него. Калиостро не хотѣлъ сказать на допросѣ, что означаютъ эти буквы. Теперь извѣстно, что это начальныя слова фразы: „*Lilium pedibus destrue*“ (Попирай лиліи ногами).

VI.

Въ 1784 году Калиостро явился въ Парижѣ. Геродъ бредилъ тогда мистицизмомъ и животнымъ магнетизмомъ. Месмеръ привлекалъ высшій кругъ на свои магнетическіе сеансы. Немудрено, что семьдесятъ дѣтъ масонскія ложи, существовавшія въ то время въ Парижѣ, стремились видѣть основателя египетскаго масонства, войти съ нимъ въ сношенія. Калиостро имѣлъ тамъ особенный успѣхъ, болѣе всего у женщинъ. Принцъ кардиналъ Роганъ называлъ его богомъ. Графиня Ламоттъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что послѣ одной сцены съ дѣвочкой, къ которой, за дверью, завѣшенной чернымъ сукномъ, являлся ангель и, поцѣловавшись съ ней, возвѣстилъ ей, что беременность королевы окончится благополучно (все одѣ и тѣ же подробности, какъ и въ Митавѣ) кардиналъ бросился къ ногамъ магика и съ восторгомъ цѣловалъ его руки. Здѣсь Бальзамо поступалъ уже совершенно беззащитчиво. Такъ, разгласивъ сначала, что ему уже 300 лѣтъ (въ Страсбургѣ онъ давалъ себѣ только 150), онъ, потомъ, забывши это, серьезно утверждалъ въ одномъ обществѣ, что присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и былъ свидѣтелемъ чуда превращенія воды въ вино. Даже двадцатилѣтняя—по виду—супруга

его увѣряла, что у нея сынъ сорока лѣтъ—капитаномъ на голландскомъ торговомъ кораблѣ и ей самой 70 лѣтъ. Записки того времени утверждаютъ, что онъ вызвалъ однажды на ужинѣ съ нимъ и кардиналомъ Роганъ, тѣни Даламбера, Вольтера, Дидеро, Шуазеля, Буазенона и Монтескье. Ослѣпленный фокусникомъ кардиналъ могъ видѣть еще и не то за своимъ столомъ, но страннѣе всего то, что французская пресса повторала эти нелѣпости. Калоетро, впрочемъ, умѣлъ расположить въ свою пользу и парижскихъ журналистовъ. Онъ основалъ тамъ также женскую масонскую ложу, въ которую принимались, съ весьма нескромными обрядами, дамы высшаго общества. Онъ продолжалъ также лечить прибѣгавшихъ къ нему довѣрчивыхъ людей, хоть это и не всегда удавалось ему. Такъ газеты называютъ двухъ дамъ Крамайель и Романье, умершихъ отъ лекарствъ, данныхъ имъ магиею. Несмотря на это онъ пользовался большимъ почетомъ, жилъ роскошно въ улицѣ Сен-Клодъ, держалъ ливрейныхъ слугъ, обшитыхъ галунами, давалъ блистательные балы и обѣды.

И все это рушилось вдругъ неожиданно. Утромъ, 22-го августа 1785 года, Парижъ узналъ съ изумленіемъ, что великій врачъ и магикъ, гросмейстеръ и чудотворецъ посаженъ въ Бастилію. Въ 8-мъ часовъ утра къ нему нагрянула полиція: его ликеры, бальзамы, элексиры были захвачены, бумаги опечатаны и самого его повели пѣшкомъ въ тюрьму, только на половинѣ дороги позволивъ сѣсть въ фіакръ. Шестъ мѣсяцевъ просидѣлъ взаперти бѣдный Калоетро, не видя никого, не призываемый къ допросу. Тогдашнее правосудіе не торопилось производить слѣдствія и не церемонилось съ заключенными въ Бастилію. Жена Калоетро была также заключена въ темницу. Магикъ былъ замѣшанъ въ знаменитое дѣло объ ожерельи королевы, этомъ „величайшемъ обманѣ XVIII-го столѣтія“, какъ его называютъ Карлейль. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этого любопытнаго процесса, возникшаго вслѣдствіе жалобы ювелировъ Бѣмера и Боссанжа на кардинала Роганъ, купившаго у нихъ для поднесенія королевѣ, черезъ графиню Ламоттъ, бриллиантовое ожерелье, цѣною въ миллионъ шесть сотъ тысячъ франковъ, котораго она однако не получила и за которое не заплатила денегъ. Участіе Калоетро въ этомъ мошенническомъ дѣлѣ вѣроятно, но не доказано. Графиня Ламоттъ обвиняла его въ томъ, что онъ получилъ это ожерелье отъ кардинала де-Роганъ для того, что-бы, посредствомъ магическаго процесса, увеличить бриллианты, и утаилъ его. Но Ламоттъ, заклеянная по приговору суда, какъ воровка, гнала слишкомъ много во время процесса. Вѣроятно же всего, что камни изъ ожерелья были выломаны самою Ламоттъ и ея супругомъ и проданы въ Англію. Судъ

не нашелъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію Калиостро и 1-го іюня 1786 года онъ былъ выпущенъ изъ Бастиліи. Жену его освободили тремя мѣсяцами раньше.

Выпущенный изъ Бастиліи, Бальзамо обвинилъ арестовавшаго его полицейскаго комисара Шенона въ пропажѣ у него изъ квартиры, во время его заключенія, многихъ цѣнныхъ вещей. Генерал-прокуроръ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, какъ бездоказательную, хотя авантюристъ продолжалъ настаивать на томъ, что его обокрала полиція. Когда онъ продолжалъ кричать объ этомъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ, французское правительство предложило ему вернуться въ Парижъ и представить суду доказательства своей жалобы. Калиостро не рѣшился на это.

Несмотря на признаніе его по суду невиннымъ, Калиостро получилъ на другой же день освобожденія своего королевское повелѣніе—оставить Парижъ въ 24 часа, а Францію—въ теченіе трехъ недѣль и никогда въ нее не возвращаться.

VII.

Въ Лондонѣ, куда переселился Калиостро, онъ нашелъ также почву, подготовленную для его фокусовъ. У англичанъ былъ въ большой модѣ спиритизмъ. Ученіе Сведенборга было принято тамъ съ большимъ энтузіазмомъ и составилось даже общество для распространенія его ученія, перевода его сочиненій на всѣ языки и возможно дешевой продажи этихъ книгъ. Прежде всего магичъ занялся одною-же тѣмъ, что написалъ посланіе къ французскому народу, въ которомъ громилъ и упрекалъ французское правительство. Брошюра эта составляетъ большую библиографическую рѣдкость и объ ней упоминаетъ патеръ Марчель въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи. Марчель увѣряетъ, что въ брошюрѣ этой Калиостро предсказалъ, что Бастилія будетъ разрушена и на мѣстѣ ея учредится публичное гулянье; далѣе онъ предсказывалъ, что на престолъ взойдетъ принцъ, который уничтожитъ *lettres de cachet*, созоветъ генеральныя штаты и возстановитъ истинную религію. Такихъ предсказаній, наполовину сбывшихся, можно много встрѣтить въ сочиненіяхъ того времени.

Въ то время, когда Калиостро нашелъ въ Лондонѣ добродушныхъ покровителей, въ родѣ лорда Гордона, вѣрившихъ чудесамъ магика, встрѣтилъ онъ также опаснаго врага, зорко слѣдившаго за всѣми его продѣлками. Это былъ журналистъ Морандъ, издатель французскаго листка: „*Courrier de l'Europe*“, игравшій немаловажную роль и въ

исторіи кавалера д'Эона, о чемъ мы упоминали въ статьѣ нашей о жизни кавалера (см. „Русскую Старину“ 1874 г. книга 8-я). Морандъ узналъ, что Калиостро былъ уже прежде въ Лондонѣ, подъ именемъ Бальзамо, и явился къ нему для переговоровъ; тотъ принялъ его грубо и дерзко обошелся съ нимъ. Тогда журналистъ прямо назвалъ его, въ своемъ листѣ, шарлатаномъ и обманщикомъ. Въ особенности смѣялся онъ надъ хвастовствомъ Калиостро, обѣщавшимъ освѣтить Лондонъ морскою водою, которую онъ превратитъ въ масло, и надъ разсказомъ его, что свинью можно до того приучить ѣсть мышьякъ, что все тѣло ея пропитается этимъ ядомъ. Калиостро прибавилъ, что однажды онъ дѣлалъ этотъ опытъ въ Мединѣ и когда, зарѣзавъ эту свинью, оставилъ ее на ночь въ лѣсу, то на утро нашли около нея множество мертвыхъ львовъ, тигровъ и леопардовъ, поѣвшихъ ее мяса. Что-бы подтвердить свой разсказъ, Калиостро приглашалъ Моранда письмомъ, въ журналѣ „Advertiser“ на обѣдъ, за которымъ подадутъ имъ такую свинью, которую за часъ до обѣда онъ покажетъ живою и здоровою, но поѣвши которую, Морандъ отправится на тотъ свѣтъ, а Калиостро будетъ невредимъ. Журналистъ отвѣчалъ, что вмѣсто его, онъ можетъ пригласить на обѣдъ любое плотоядное животное. Въ листѣ своемъ онъ разсказалъ много случаевъ изъ прежней жизни авантюриста, но тотъ смѣло отрипалъ все и утверждалъ, что никогда не былъ въ Лондонѣ и не назывался Бальзамо. Отерптія Моранда дѣлались однако-же до того опасными, что Калиостро предпочелъ поскорѣе удалиться въ Швейцарію и такъ торопился отъѣздомъ, что уѣхалъ одинъ, безъ жены, которая соединилась съ нимъ въ Швейцарію уже впоследствии.

Магикъ остановился въ Базелѣ, гдѣ основалъ масонскую ложу, и работалъ съ Лафатеромъ надъ восстановленіемъ „Новаго Іерусалима“,— мистической системы такъ называемаго физическаго и моральнаго вторичнаго рожденія человѣка; въ системѣ этой сомнамбулизмъ и магнетическіе пассы вели къ спиритизму. Лафатеръ въ своихъ сочиненіяхъ отзывался вообще о Калиостро, какъ о великомъ человѣкѣ.

Въ слѣдующемъ году Калиостро былъ въ Эксѣ (въ Савойи), въ Туринѣ, изъ котораго, тотчасъ по прибытіи туда, получилъ приказаніе выѣхать, въ Генуѣ и Веронѣ. Въ Вѣнѣ его постигла та же участь какъ и въ Туринѣ. Вообще эти года (1786 и 1787) были самыми тяжелыми въ жизни авантюриста. Противъ него поднялось много голосовъ, стало являться множество обличій. Къ этимъ годамъ относятся пьесы Екатерины II, книга госпожи фон-дер-Реке, о которыхъ мы уже говорили и которыя произвели сильное впечатлѣніе на публику.

Въ обширномъ и прекрасномъ собраніи автографовъ Н. К. Вогушевскаго находится, между прочимъ, любопытное письмо Циммермана къ Элизѣ Реке (отъ 5-го сентября 1787 года), свидѣтельствующее о томъ впечатлѣніи, какое произвела ея книга. Приводимъ главныя мѣста этого письма: „Ваше почтеннѣйшее и пріятнее письмо“, говоритъ корреспондентъ императрицы, „отъ 11-го іюня, я получилъ въ Пирмонтѣ... Вы напрасно благодарите меня за то, что я писалъ къ русской императрицѣ, 12-го прошедшаго іюня, о васъ и о замѣчательномъ героическомъ сочиненіи вашемъ о Каліостро. Императрица часто изволитъ бесѣдовать со мною о предметахъ въ этомъ родѣ. Я зналъ напередъ, что такое сочиненіе, написанное такимъ перомъ, непременно заслужитъ вниманіе. Императрица отвѣчала мнѣ изъ Москвы 1-го іюля, но какъ письмо ея содержало въ себѣ много подробностей о большомъ путешествіи этой государыни и разныхъ другія сообщенія, къ тому-же статья о Каліостро, вѣроятно, не была еще получена, то объ этомъ предметѣ и не связало въ отвѣтъ ничего. Въ сущности лучше будетъ, въ чемъ и вы, по проникательности своей, убѣдитесь, если ваше сочиненіе о Каліостро попадетъ въ руки императрицы изъ чьихъ-либо третьихъ рукъ. Съ этою почтою я снова повторяю о томъ нашему другу Николаю... Сожалѣю, что вы снова заговариваете о слабости вашего здоровья. Едва-ли вы ее чувствовали, когда писали о Каліостро, обнаруживъ передъ свѣтомъ, съ какою силою и энергіею вы выбились изъ положенія, которое весьма было понятно и простиительно при слабости нервъ и тогдашней обстановкѣ“.

Въ 1788 году Каліостро былъ въ Тиролѣ. Объ этомъ пребываніи говоритъ вышедшая въ томъ-же году брошюра Ваннетти: „*Liber memorialis de Caleostro dum esset Roborati*“; кромѣ того, въ изданіи „*Journal von und für Deutschland*“ (7—12 стр.) помѣщена вѣрная оцѣнка фокусовъ магіка въ Ровередо, откуда его также вскорѣ выслали по приказанію правительства. Нѣмецкій путешественникъ описываетъ бесѣды Каліостро въ кругу своихъ поклонниковъ, удивляясь безстыдному хвастовству шарлатана и глухой довѣрчивости его слушателей. При немъ авантюристъ рассказывалъ, какъ онъ низвергнулъ министерство во Франціи и передалъ власть своему другу Некеру, какъ онъ отерылъ королю глаза, научилъ парламентъ исполнять свои обязанности; какъ однажды, въ большомъ собраніи, человѣкъ, осмѣлившійся упрекать его въ обманахъ, среди всѣхъ присутствующихъ, на половинѣ своей рѣчи, упалъ и умеръ; какъ, наконецъ, бывши въ Бернѣ, онъ предлагалъ правительственному совѣту, посредствомъ уксуса и селитры, расточить швейцарскіе ледники, что-бы добыть

скрытые въ горахъ золото и серебро. И слушатели благоговѣнно внимали этой галиматѣ и удивлялись неразумію бернского совѣта, не согласившагося на такое выгодное предложеніе магика. Только одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что совѣтъ имѣлъ основаніе не принять предложенія, такъ какъ растопившіеся ледники произвели-бы наводненіе въ Швейцаріи. На это логическое замѣчаніе Калиостро не нашелся ничего отвѣтить, кромѣ нѣсколько разъ повтореннаго: „ah non! non!“ и продолжалъ рассказывать о своихъ благодѣяніяхъ, удивительныхъ леченіяхъ, о томъ, какъ герцоги и принцы встрѣчали его съ уваженіемъ, по освобожденіи изъ Бастиліи, какъ всѣ знатные и даже владыки искали его благосклонности, какъ онъ отказался поцѣловать руку даже у русской императрицы, потому что не цѣлуетъ рукъ у женщинъ. Недолго пришлось ему, впрочемъ, рассказывать подобныя негѣности. Получивъ запрещеніе лечить больныхъ, онъ уѣхалъ въ Триентъ, но и тамъ остался недолго, говоря, что „маленькіе городки не созданы для великихъ людей“. На самомъ дѣлѣ Иосифъ II далъ строгое предписаніе—выслать шарлатана изъ австрійскихъ владѣній. Плохо приходилось ему: давно уже не велъ онъ роскошную жизнь, и если поношенный костюмъ его блестѣлъ сомнительными брилліантами, болѣе походившими на стразы, то драгоценные перстни на пальцахъ были еще сомнительнѣе. Онъ пробовалъ съѣздить въ Венецію, но и тамъ не имѣлъ удачи. Всѣ большіе города были ему закрыты, помощи было ждать не откуда. Онъ вздумалъ посѣтить Римъ, гдѣ, конечно, никто не могъ узнать въ графѣ Калиостро, бывшаго послушника монастыря Милосердныхъ братьевъ. Но для этого надо было отречься отъ масонства, считавшагося ересью въ Ватиканѣ. Авантюристъ разыгралъ роль кающагося грѣшника: взялъ духовника и сообщилъ ему, что желаетъ примириться съ своею совѣстью и просить отпущенія въ грѣхахъ, желая возвратиться въ лоно римской церкви. Патеръ донесъ о раскаявшемся триентскому епископу и тотъ одобрилъ его намѣреніе ѣхать въ Римъ и далъ ему рекомендаціи къ значительнымъ лицамъ куріи. Это однако-же не послужило ни къ чему и Калиостро бѣдствовалъ въ Римѣ, не находя людей, которые приняли бы въ немъ участіе. Онъ дошелъ до того, что писалъ къ французскому національному собранію, прося у него позволенія вернуться во Францію въ виду услугъ, оказанныхъ имъ этой странѣ и свободѣ. Собраніе даже не обсуждало его просьбы, а перешло къ очереднымъ дѣламъ. Тогда онъ попробовалъ опять обратиться къ масонству: несмотря на угрозу страшнаго наказанія, въ Римѣ существовала также масонская ложа. Калиостро началъ переманивать членовъ ея въ свою египетскую ложу; двое изъ нихъ согласились на

это, но когда онъ потребовалъ съ нихъ вступительный денежный вносъ, они разсѣялись и оставили своего учителя.

Одинъ изъ этихъ масоновъ былъ, кажется, членомъ папской полиціи, и 27-го декабря 1789 года Калиостро былъ арестованъ въ своей квартирѣ и отведенъ въ замокъ св. Ангела. Въ овечатанныхъ бумагахъ его нашли обширную переписку и множество масонскихъ рукописей. Римская инквизиція опредѣляла смертную казнь за принадлежность къ масонству; вина Калиостро была очевидна, но этого было довольно для осужденія его Римомъ, а не остальнымъ свѣтомъ. Поэтому римскіе судьи нашли его виновнымъ въ оскорбленіи религіи своимъ мистическимъ ученіемъ, основаннымъ на чувственномъ скептицизмѣ и чрезмѣрномъ пиагизмѣ. Его обвинили также въ попыткѣ ниспровергнуть основы истинной религіи, но въ этомъ онъ не былъ несколько виноватъ, какъ и въ ниспроверженіи монархической власти: политика была совершенно чуждою авантюристу, заботившемуся только о наживѣ. Во время слѣдствія и процесса, длившагося пятнадцать мѣсяцевъ, Калиостро не разъ приносилъ полное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и со слезами на глазахъ благодарилъ своихъ судей за то, что они дали ему возможность познать свои грѣхи и искупить ихъ покаяніемъ. Папскіе судьи не порадовались однако возвращенію блуднаго сына на путь истины, а приговорили его, 21-го марта 1791 года, къ смерти. Папа Пій VI, въ своемъ апостольскомъ милосердіи, измѣнилъ этотъ приговоръ на пожизненное заключеніе въ темницѣ. Рукопись его о египетскомъ масонствѣ опредѣлено было съечь рукою палача.

Такъ кончился романъ авантюриста. Четыре года еще томился онъ въ папской темницѣ и умеръ въ 1795 году. Жена его, запертая въ монастырѣ св. Аполонія, умерла прежде него. Слава его умерла еще раньше, сильно потрясенная разоблаченіями его фокусовъ. Но нельзя не повторить, что Калиостро представлялъ все-таки замѣчательное явленіе своего времени. Имъ интересовались и были обмануты многіе изъ передовыхъ людей его эпохи. Если мы вспомнимъ, что даже Гёте написалъ пьесу изъ жизни Бальзамо, подъ названіемъ: „Великій Кофта“ (сюжетомъ ея служить то же дѣло объ ожерельи, и характеры гр. Ламотте и Калиостро хорошо развиты; онъ написалъ ее въ 1789 г. стихами, а въ 1792 г. переделалъ въ прозу и нарочно ѣздилъ въ Палермо собирать матеріалы для жизни своего героя; тамъ встрѣтилъ онъ мать и сестру Бальзамо съ дѣтьми и помогъ имъ), см. его *Italienische Reise 1814—1817 г.* 2-я часть), намъ становится понятнымъ, что и другія замѣчательныя лица, если не вѣрили магіку, то любопытствовали ближе узнать его. Нельзя не замѣтить,

что многіе, писавшіе о немъ, считаютъ его агентомъ іезуитовъ, какъ Боровскій, Элиза фон-дер-Реке, Мейнерсъ (*Reise durch die Schweiz*, 2-я часть, 1788). Въ брошюрѣ Мирабо: „*Lettre sur M. le comte Cagliostro et Lavater*“ (1786) приведена пространная полемика по этому предмету. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ іезуиты не выбирали своими агентами людей такой сомнительной честности и такого недалекаго образованія, да и папа Пій VI, несмотря на то, что предшественникъ его, Климентъ XVI, уничтожилъ орденъ іезуитовъ на вѣчныя времена, былъ самъ тайнымъ приверженцемъ и ученикомъ ихъ (что ясно доказалъ Губеръ въ своей „Исторіи Іезуитовъ“) и не подвергнулъ бы Калостро такому тяжелому наказанію.

На русскомъ языкѣ немного писано о Калостро. Въ 1786 году вышло въ Петербургѣ: „Оправданіе графа де-Калостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго склаважа во Франціи“ и „Возраженіе со стороны графини де-Валуа-ла-Моттъ на оправданіе графа де-Калостро“—двѣ брошюры по дѣлу объ ожерельи королевы, переведенныя съ французскаго. Въ собраніи иностранныхъ сочиненій, относящихся къ Россіи и изданныхъ нашею публичною бібліотекою въ 1873 году, подъ названіемъ „*Rossica*“ есть только одно сочиненіе о Калостро: „*Mémoires pour servir à l'histoire du comte Cagliostro*“.

Mundus vult decipi—ergo decipiatur, говоритъ латинская поговорка—и Калостро слѣдовалъ ей вполне. Мы видѣли, что онъ довольно скромно началъ свое поприще и, вѣроятно, остался бы такимъ же гулакой и мелкимъ мошенникомъ, какимъ былъ въ молодости, если-бы, при первыхъ попыткахъ—выдать себя за волшебника и чудотворца—не встрѣтилъ въ окружающей его, неразвитой и легковѣрной массѣ полного довѣрія къ своимъ словамъ. Онъ воспользовался только глупостью своего времени и былъ въ этомъ отношеніи продуктомъ, выраженіемъ своего вѣка, представителемъ среды, въ которой такъ легко быть обманщикомъ, потому что окружающія его лица жаждутъ быть обманутыми. Безъ всякаго образованія, безъ знанія основныхъ началъ какой-либо науки, онъ болѣе 20-ти лѣтъ эксплуатировалъ сильно вѣрившую ему массу, не видѣвшую, по недостатку научнаго образованія, разницы между чудесами науки (для незнакомаго съ наукою всякое явленіе ея составляетъ чудо) и чудесами сверхъестественными, нарушающими законы науки и природы. Для невѣжественныхъ и суевѣрныхъ людей разницы между возможнымъ и невозможнымъ не существуетъ и Гёте въ своемъ „*Великомъ Кофтѣ*“ справедливо замѣчаетъ, что отъ излишней фанатической вѣры люди легко переходятъ къ суевѣрію и тогда

еще сильнѣе вѣрятъ въ разныя нечѣности, потому что потребность вѣрованія въ нихъ не удовлетворяется разумнымъ сознаниемъ дѣйствительности. Понятно, что такая вѣра, не знающая границъ, порождаетъ и людей въ родѣ Каліостро, употребляющихъ въ свою пользу это стремленіе человѣчества къ сверхъестественному. Шиллеръ въ своемъ „Духовидцѣ“ доказалъ, что отъ мистицизма легко перейти къ мистификаціи. Въ малообразованномъ, слабохарактерномъ человѣкѣ всегда остается тайная боязнь неизвѣстнаго, которую могутъ эксплуатировать всякаго рода жрецы, становящіеся посредниками между человѣчествомъ и неизвѣданнымъ міромъ, недоступнымъ изслѣдованіямъ науки. Недовольный своимъ кратковременнымъ существованіемъ, часто соединеннымъ съ тяжелыми условіями и страданіями, человѣкъ стремится продолжить его за предѣлы возможнаго, создаетъ себѣ фантастическія понятія о жизни въ другихъ мірахъ, о существахъ въ другой формѣ, населяющихъ эти міры и имѣющихъ сношенія съ нашимъ міромъ, но не прямыя, а черезъ особыхъ посредниковъ, избранниковъ, въ пользу которыхъ могутъ нарушаться даже неизмѣнные законы природы. Стоитъ допустить только возможность этихъ сношеній и тогда являются Каліостро, Сведенборги, Месмеры, Сен-Мартены, мистики, некроманты, заклинатели и вызыватели духовъ, чудотворцы, спириты, жизненные элексиры, амулеты, философскіе камни, весь туманный міръ ясновидѣній, предсказаній, предзнаменованій — исчезающій только при свѣтѣ науки, какъ исчезаютъ при солнечномъ лучѣ всѣ ночныя, неясныя призраки, зарождающіеся не въ дѣйствительности, а въ нашемъ воображеніи.

В. Зотовъ.